

Е. Э. БАБАЕВА

ЯЗЫК В ЗЕРКАЛЕ РАЗМЫШЛЕНИЙ ПОЭТА

(К реконструкции лингвистических воззрений Антиоха Кантемира)

«Тот в сей жизни лишь блажен, кто малым доволен, / В тишине знает прожить от суетных волен / Мыслей, что мучат других...», — писал Кантемир в VI сатире «О истинном блаженстве». Покой и воля — вот план жизни истинного поэта — план, о котором писал еще Гораций.¹ Поэт и переводчик по призванию, военный по воле обстоятельств, дипломат по воле монаршей — А. Кантемир мыслил себя философом, предающимся уединенным размышлениям. Однако современники прочили ему иное: агент Сорбонны аббат Жюбе де ла Кур, прибывший в Россию в 1728 г., возлагал на него большие надежды в деле распространения янсенизма в России,² о нем говорили как о воспитателе малолетнего сына-императора Анны Леопольдовны,³ как о молдавском господаре⁴ и, наконец, как о президенте Академии на-

¹ См. комментарий: Щеглов Ю. К. Антиох Кантемир и стихотворная сатира. СПб., 2004. С. 315—316.

² См. подробнее: Успенский Б. А., Шишкин А. Б. Третьяковский и янсенисты // Успенский Б. А. Вокруг Третьяковского : Труды по истории русского языка и русской культуры. М., 2008. С. 326 и сл.

³ См.: «Personne en effet n'étoit plus en état de former l'Esprit et le Coeur d'un grand Monarque, qu'un Seigneur qui joignoit des lumières supérieures à des sentiments nobles, à l'amour du Bien public, et à une exacte probité fortifiée par la Région: mais la Révolution, qui survint, délivra le Prince Cantemir de la crainte, qu'il avoit d'un emploi, dont il sentoit d'avance la contrainte, et qu'il redoutoit, comme le tombeau de sa Liberté» ([*Guasco O. de*]. Vie du Prince Antiochus Cantemir // *Satyres de Monsieur le Prince Cantemir avec l'histoire de sa vie* : Traduites en François. A Londres, 1749. P. 92—93).

⁴ О такой возможности, в частности, идет речь в письме сестры Антиоха Кантемира Марии, написанном в сентябре 1736 г. в Москве: «Тот, кто будет

ук.⁵ Хорошо известна энциклопедичность интересов Антиоха Кантемира, который помимо литературного творчества занимался философией, историей, математикой, физикой, астрономией, искусством миниатюры, увлекался театром и музыкой.⁶ Один из фрагментов мозаичной картины мировоззрения А. Кантемира составляют его взгляды на общее и конкретное в языках.

История лингвистических концепций доломоносовского периода не знает имени Антиоха Кантемира. Вместе с тем он упоминается в истории русской лексикографии как автор опубликованной в 1727 г. «Симфонии на Псалтирь».⁷ К числу источников, позволяющих в какой-то степени реконструировать лингвистические воззрения Кантемира, следует отнести, прежде всего, его обширный, хотя и не доведенный до конца рукописный русско-французский словарь, обнаруженный Б. А. Градовой в отделе рукописей РГБ,⁸ а также, конечно, знаменитое «Письмо Харитона Макентина к

владыкой своей страны, должен нести всю необходимую ответственность, и если Бог вверит вам, как князю, владение нашей страной, то Вам придется проститься с уединенной философской жизнью» (см.: Переписка кн. А. Д. Кантемира с сестрой Марией 1734—1744 гг. / Публикация Джини Майелларо // Русско-итальянский архив II / Сост. Даниэла Рицци, Андрей Шишкин. Салерно, 2002. С. 51). Надежды на возвращение трона были вызваны русско-турецкой войной 1735—1739 гг.

⁵ *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской Академии наук. Л., 1977. С. 133.

⁶ См.: *Бабаева Е. Э.* Кантемир-энциклопедист: К постановке вопроса // Acta linguistica petropolitana : Тр. Ин-та лингвистических исследований. Т. V. Ч. 3. СПб., 2009. С. 7—23.

⁷ Эта книга использовалась М. В. Ломоносовым при написании «Предисловия о пользе книг церковных в российском языке» (см.: *Кайнерт Г.* Церковные книги в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» М. В. Ломоносова // Русистика сегодня. 1995. № 4. С. 37).

⁸ См.: *Градова Б. А.* 1) А. Д. Кантемир — составитель первого русско-французского словаря // Краткие тез. Докл. науч. конф. «Россия—Франция : Век Просвещения» (по материалам выставки в Париже и Ленинграде) 12—14 мая 1987 г. Л., 1987; 2) А. Д. Кантемир — составитель первого русско-французского словаря // A Window on Russia : Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Gargnano, 1994. La Fenice Edizioni, 1996. P. 155—159. В настоящее время опубликован: Русско-французский словарь Антиоха Кантемира / Вступ. статья, публ. Е. Бабаевой. М., 2004. Т. I—II. Основная работа над словарем проходила, по всей видимости, во второй половине 1730-х гг. Примерно к этому же времени относятся лексикографические опыты В. Татищева и А. Богданова (см.: Рукописный лексикон первой половины XVIII века / Подгот. к печати, вступ. статья А. П. Аверьяновой. Л., 1964; *Макеева В. Н.* Неизвестный отрывок первого академического словаря русского языка // Лексикографический сборник. М., 1963. Вып. VI).

приятелю о сложении стихов русских» и многочисленные комментарии к переводам и оригинальным сочинениям.⁹

Подход Кантемира к лингвистической проблематике был обусловлен целым рядом факторов, берущих начало в его личной биографии и поддержанных его деятельностью как политика,¹⁰ культуртрегера и гражданина *République de lettres*.

Очевидно, что собственно языковая рефлексия была напрямую связана с тем, что Кантемир владел несколькими языками.¹¹ Механизмы «пересчета», обычно сопутствующие освоению языков, поддерживались и совершенствовались благодаря постоянно присутствовавшей в жизни Кантемира практике перевода.¹² Вместе с тем, как хорошо известно, переводы рассматривались в 1720—1730-е гг. как один из мощнейших механизмов перестройки внутрироссийского культурно-языкового пространства; таким образом, соположение языков, соположение текстов и соположение культур оказываются связанными теснейшим образом. Неудивительно, что пребывание А. Кантемира в Европе в качестве представителя России заставило его задуматься о необходимости представить Европе русский язык как не уступающий

⁹ О комментариях Антиоха Кантемира к своим переводным и оригинальным текстам см. подробнее: *Бабаева Е. Э.* Кантемир-энциклопедист: К постановке вопроса. С. 17—23.

¹⁰ О проблеме титула Анны Иоанновны см.: *Бабаева Е. Э.* Антиох Кантемир как автор дипломатических и церемониальных текстов // *Язык. Культура. Гуманитарное знание* : Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999. С. 56—57.

¹¹ По свидетельствам современников, Кантемир кроме русского владел новогреческим, молдавским, итальянским, французским, в какой-то степени английским и испанским, а также древнегреческим, латынью и церковнославянским. Ср. сообщение английского резидента при русском дворе Клавдия Рондо статс-секретарю Гаррингтону от 15 ноября 1731 г. (*Шимко И. И.* Новые данные к биографии князя А. Д. Кантемира и его ближайших родственников. СПб., 1891. С. 74), а также свидетельство О. Гуаско ([*Guasco O. de*]. *Vie du Prince Antiochus Cantemir*. P. 138).

¹² Мысль о том, что перевод есть лучший способ к познанию языков, была усвоена Кантемиром еще в юности. В предисловии к своему раннему переводу — Хронике Константина Манасия — он писал: «Сию книгу аз преведохово да тем екзерцицию возимею в латинском языке слыша пословицу оную *usus est bonus Magister* употребление есть добрый учитель» (РНБ. Q. IV. 25. Л. 2), ср. также в предисловии к переводу истории Юстина, начатом в 1729 г.: «Перевод Юстиновой истории я начал в самых молодых своих летах, когда обучался латинскому языку узнав чрез искус, что к скорому приобретению чужстраннаго языка лучшей способ есть перевод» (РНБ. Q. IV. 382. Л. 2). См. также: *Grasshoff H. A. D.* *Kantemir und Westeuropa: Ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur westeuropäischen Literatur und Kunst*. Berlin, 1966. S. 43.

по богатству европейским, что, по всей видимости, и привело к созданию русско-французского словаря.¹³

Вместе с тем освоение языков связано с изучением основных разделов грамматики. И тут, как и во многих других областях знаний, приобретенных Кантемиром, переплетаются самые различные влияния — ученость, полученная в недолгие периоды «правильного» институционального обучения, разрасталась впоследствии благодаря его кабинетным штудиям. С одной стороны, Кантемир хорошо знал печатные труды таких ревнителей традиционной книжности первой четверти XVIII в., как Ф. Поликарпов и Ф. Максимов, а с другой — имел возможность изучить филологические труды европейских (главным образом французских и итальянских) авторов.¹⁴

Наконец, помимо филологии, посвященной церковнославянской книжности и европейским языкам, Кантемир, по всей видимости, имел возможность познакомиться с нарождавшейся в России новой лингвистической мыслью. Ее появление навязывалось самой культурно-языковой ситуацией середины 1720-х гг., когда на повестке дня оказалась разработка русского литературного языка нового типа.¹⁵ В Академии наук в период президентства Л. Блюментроста (1725—1733), то есть в так называемый «немецкий» период ее истории, по всей видимости, велась активная работа по нормализации русского языка. При Л. Блюментросте в Академии трудились в основном иностранцы, однако они, как пишет В. М. Живов, «предпринимали попытки обращаться к русскому обществу».¹⁶ В 1728 г. было издано «Краткое описание комментариев Академии наук», в этом же году начали издаваться «Санкт-Петербургские ведомости» и «Примечания к ведомостям», в Академической гимназии велось преподавание

¹³ Известно, например, что во время аудиенции у французского короля 13 июля 1739 г. он беседовал с Людовиком XV «о письменах, о языке русском и о подобных любопытных материях» (см.: Стоюнин В. Я. Князь А. Кантемир в Париже // Вестник Европы. 1880. № 8—9. С. 593; об этой аудиенции см. также: Ehrhard M. Un ambassadeur de Russie à la cour de Louis XV : Le Prince Cantemir à Paris (1738—1744). Paris, Les Belles lettres (Annales de l'Université de Lyon). 1938. P. 85 и сл.).

¹⁴ См. подробнее: Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. XIII и сл., XXXVII и сл.

¹⁵ См.: Успенский Б. А. 1) Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994; 2) Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века : Языковая программа Карамзина и ее исторические корни. М., 1985. Гл. II; Живов В. М. 1) Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 162 и сл.; 2) Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. М., 2004. С. 103 и сл.

¹⁶ Живов В. М. Литературный язык и язык литературы в России XVIII столетия // Russian Literature. LI. 2002. С. 13.

русского языка иностранцам. В «немецкий период» Академия наук выступает с рядом инициатив в области кодификации русского языка. Так, 15 марта 1725 г. И.-В. Паус получает поручение «переводить с латинского и немецкого языков, работать над совершенствованием русского языка, созданием грамматики и словаря».¹⁷ В 1729 г. И.-В. Паус представляет в Академию наук свою грамматику «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache zum Nutzen Sonderl. der teutschen Nation aufgesetzt».¹⁸ В 1731 г. Академия наук издает Вейсманнов лексикон с приложенным к нему кратким очерком русской грамматики («Anfangs-Gründe der russischen Sprache»), составленным В. Адодуровым;¹⁹ готовит «Compendium Grammaticae Russicae» (так называемая «Академическая грамматика»)²⁰ Эта деятельность, как отмечает В. М. Живов, говорит о том, что внутри данного института во второй половине 20-х гг., то есть за несколько лет до создания Российского собрания (1735), активно велась не только переводческая, но и кодификаторская работа.²¹

Хорошо известно, что в 1726 г. Кантемир стал одним из первых студентов Академического университета и числился таковым еще в июне 1727 г.²² Его знакомство с филологами и переводчи-

¹⁷ Летопись Российской Академии наук. СПб., 2000. Т. I: (1724—1802). С. 38.

¹⁸ Текст грамматики см. в: *Михальчи Д. Е.* Славяно-русская грамматика Иоганна Вернера Паузе : Дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1969; об этой грамматике и ее влиянии на последующие кодификации русского языка см. также: *Живов В. М., Кайперт Г.* О месте грамматики И. В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: Интерпретация отношений русского и церковнославянского // Вопросы языкознания. 1996. № 6. С. 3—30; *Huterer A.* Die Wortbildungslehre in der Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Rußischen Sprache (1705—1729) von Johann Werner Paus : Slavistische Beiträge. München, 2001. Bd. 408. Грамматика И.-В. Пауса продолжает традицию, начатую пастором Глюком, составившим грамматику на немецком языке (1704), см.: *Johann Ernst Glück.* Grammatik der russischen Sprache (1704) / Hrsg. und mit einer Einleitung versehen von H. Keipert, V. Uspenskij, V. Živov // Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen. Neue Folge. Bd. 5 (20). Köln; Weimar; Wien, 1994.

¹⁹ Это издание было в библиотеке Кантемира под № 225, см.: *Александренко В. Н.* К биографии князя Кантемира // Варшавские университетские известия. 1896. Кн. II. № 225.

²⁰ Рукопись этой грамматики была обнаружена Г. Кайпертом в 1988 г.; в настоящее время издана; см.: *Compendium Grammaticae Russicae (1731).* Die erste Akademie-Grammatik der russischen Sprache / Hrsg. von H. Keipert in Verbindung mit A. Huterer; Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Abhandlungen, Neue Folge. Hf. 121. München, 2002.

²¹ См. подробнее: *Живов В. М.* 1) Язык и культура в России XVIII в. С. 195 и сл.; 2) Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII вв. С. 119—121.

²² *Радовский М. И.* Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. М.; Л., 1959. С. 17.

ками академического круга — В. Адодуровым, М. Шванвицем, В. Третьяковским, В. Татищевым²³ — несомненно; несомненно и то, что он должен был быть в курсе как общих дискуссий, так и предлагавшихся конкретных, часто сугубо индивидуальных, решений. Так, например, Кантемиру, видимо, были известны учебные материалы Ивана Горлицкого, преподававшего в Академической гимназии в 1725—1727 гг. В сохранившихся в составе конволюта, принадлежавшего англичанину Томасу Консетту, фрагментах рукописи грамматики И. Горлицкого славянской букве *ω* соответствует латинский эквивалент *ô*, что объясняется, по всей видимости, влиянием французской орфографии, где в первой трети XVIII в. циркумфлекс служил для указания на долготу.²⁴ Написание *ô* вместо омеги встречается в русско-французском словаре А. Кантемира.²⁵

В русско-французском словаре Кантемира обнаруживаются также следы знакомства с узловыми проблемами нормализации русского языка, отраженными в «Академической грамматике» и в «Anfangs-Gründe der russischen Sprache» В. Адодурова.

1. Кантемир замечает, что в русских словах в начальной позиции в соответствии с *e* может употребляться *io* (то есть утверждает наличие вариативности типа *iöru/erü*), и это единственный случай, когда слова могут начинаться с буквы *i* десятиричное.²⁶ Сочетание *io*, соотносимое с немецким *jo*, упоминается в «Академической грамматике»: «*io ungeachter dieses noch nicht im Gebrauch ist, so haben doch schon einige angefangen sich desselben zu bedienen in den Wörtern Умiонъ und andern, welche wie das Teutsche jo ausgesprochen werden*»;²⁷ за введение особой буквы в соответствии с латинским *jo* выступал также В. Татищев.²⁸ Кантемир уехал из России в январе 1732 г., так что его знания об употреблении

²³ О контактах Кантемира с В. Третьяковским см. в работе: Успенский Б. А., Шишкин А. Б. Третьяковский и янсенисты // Символ. 1990. № 23. С. 131—132; о его научных контактах с В. Татищевым см.: Астраханский В. С., Малиновский К. В. Неопубликованное письмо и список книг В. Н. Татищева 18 октября 1731 г. // Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 163.

²⁴ И. Горлицкий составил французскую грамматику, а также перевел французскую грамматику М.-А. Декомбля (Николаев С. И., Осипов В. И. Иван Семенович Горлицкий // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А—И). Л., 1988. С. 220).

²⁵ См. подробнее: Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. XIII, XLV. Циркумфлекс Кантемир в словаре соотносит с термином *кавычка* (с. 495).

²⁶ Там же. Т. I. С. 492.

²⁷ Compendium Grammaticae Russicae. С. 144.

²⁸ См.: Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке. М., 1975. С. 85, 211.

данного буквосочетания восходят, по всей видимости, к самому началу 30-х гг.

2. Кантемир замечает, что в отглагольных существительных на *-ие* следует писать *-ье* («dans presque tous les Substantifs verbeaux elle [i] est changé en y. ех. Гуляние — Гулянье, Казание — Казанье»).²⁹ Такой же точки зрения придерживался В. Адодуров, сообщавший, что форма *питье* предпочтительнее, чем *питие* («häuffiger», «zierlicher»)³⁰

3. Кантемир в статье *падеж* перечисляет существующие в русском языке падежи: *именительный* (Nominatif), *родительный* (Genitif), *дательный* (Datif), *винительный* (Accusatif), *звательный* (Vocatif), *творительный* (Instrumental), *сказательный* (Narratif).³¹ Соотнесение *сказательного* падежа с *нарративом* представлено как в грамматическом очерке В. Адодурова, так и в «Академической грамматике».³² Особый интерес представляет то, что Кантемир упоминает также относительный падеж, соотнося его с латинским аблативом: «NB: On amprunte de Latins l'Ablatif относительный».³³ Выделение относительного падежа как параллели к аблативу является, по всей видимости, изобретением Якова Брюса, который перевел известную в Европе книгу Вилима Севела «Искусство нидерландского языка» (1717).³⁴ Перечисляя падежи, существующие в голландском, Яков Брюс сообщает, что *аблативу* в русском соответствуют два падежа: *сказательный* и *твори-*

²⁹ Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. 492. Такое же написание кодифицируется Кантемиром и в «Письме Харитона Микентина»: «Можно бесспорно все имена, кончащиеся на *ие*, кончать на *ье* и писать, например, *счастье* вместо *счастие*, *знание* вместо *знание*» (Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 426).

³⁰ Вейсманнов лексикон. СПб., 1731. С. 27. См.: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 81.

³¹ Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. II. С. 821.

³² Вейсманнов лексикон (приложение). С. 13; Compendium Grammaticae Russicae. С. 175. В. Адодуров использует термины *Narratiuus oder Objectiuus*; термин *objectivus* введен в «Академической грамматике», видимо, под влиянием грамматики И.-В. Пауса вместо первоначально использовавшегося в этом же тексте термина *localis* (см. подробнее: Compendium Grammaticae Russicae. С. 85).

³³ Вслед за И.-В. Паусом составители «Академической грамматики» отказываются признавать наличие в русском языке *ablativus 'a*, замечая, что этому падежу соответствуют предлогные конструкции с родительным падежом типа «от брата, von dem Bruder; из дома, aus dem Hause»; см.: Compendium Grammaticae Russicae. С. 75, а также комментарий, с. 8586.

³⁴ См. подробнее: Бабаева Е. Э., Запольская Н. Н. Языковой континуум Петровской эпохи: Обзор грамматических трактатов первой четверти XVIII в. // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М., 1993. С. 194—195.

тельный.³⁵ В конкретных же парадигмах место *творительного* падежа занимает *относительный*, которому приписывается значение отделения (предлог *от* + падежная форма, омонимичная родительному).³⁶ При этом, в соответствии со своей установкой, Яков Брюс не приводит форм *сказательного* падежа. Справщики, вычитывавшие текст грамматики, всюду последовательно восставили эти формы, и таким образом в этом трактате оказалась представлена такая же восьмичленная падежная система, что и у Кантемира. На возможное знакомство Кантемира с грамматикой В. Севела в переводе Я. Брюса указывал Б. А. Успенский.³⁷

4. Кантемир упоминает формы превосходной степени прилагательных на *нау-*: «На <sic!> est quelqui fois marque du Superlatif. Наилучший le meilleur. Наилюбезнейший le plus aimé».³⁸ Эти формы впервые на русской почве попали в зону кодификации в том же переводе «Искусства нидерландского языка» В. Севела. Изначально в соответствии с системой нидерландского языка в русском переводе различались формы суперлатива и элатива: *должайший* — *наидолжайший*.³⁹ В процессе правки перевода суффикс *-ейш-* был переосмыслен как показатель сравнительной степени, а значение превосходной степени соотнесено с префиксами *пре-* и *нау-*, соединяемыми с формами сравнительной степени. Формы с префиксом *нау-*, присоединяющимся к превосходной степени (*наикратчайший*, *наитончайший*) кодифицируются в «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» В. Адодурова и в «Академической грамматике».⁴⁰

5. Кантемир включает в словник названия трех прошедших времен глаголов: *прешедшее*, *преходящее* и *мимошедшее*. При этом мимошедшее время он соотносит с французским *plusquepassé*.⁴¹ В грамматической традиции это особое прошедшее время, как правило, соотносилось с имперфектом или плюсквамперфектом, при этом в качестве форм мимошедшего времени указывались итеративные формы.⁴² По всей видимости, Кантемир соотносит итеративность исключительно с основой, используя

³⁵ См.: РГАДА. Ф. 381. № 1017 («ковычный» экземпляр). Л. 127. О трактовке аблатива в грамматиках см.: Успенский Б. А. Доломоносские грамматики русского языка : (Итоги и перспективы) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. III : Общее и славянское языкознание. М., 1997. С. 477—479.

³⁶ Там же. С. 478—479.

³⁷ Там же. С. 545.

³⁸ Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. 644.

³⁹ РГАДА. Ф. 381. № 1017. Л. 178 об.

⁴⁰ Вейсманнов лексикон. С. 12. Compendium Grammaticae Russicae. С. 179.

⁴¹ Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. 612.

⁴² См. подробнее: Успенский Б. А. Доломоносские грамматики русского языка. С. 468—469.

термин *Frequentatif*: «...бываю *Frequentatif du verbe substantif* есмь». ⁴³

6. При составлении словника Кантемир употребляет формы прилагательных единственного числа мужского рода как на *-ый*, так и на *-ой* (например, *абрисной, академской, акцизной, армейской, арсенальной, атласной, басной, безносой*). В подавляющем большинстве случаев это прилагательные, которые отсутствуют в триязычном словаре Ф. Поликарпова 1704 г. ⁴⁴ Формы на *-ой* появляются также в отсылочной зоне, даже если заголовочное слово имеет окончание *-ый*: *алабастровый* см. *алебастровой*, *безголовный* см. *безглавной*. Наконец, эти формы преобладают в метаязыке (*барометр — инструмент математической; амуниция — припас военной, антарктик — противосеверной*) и в зоне иллюстраций (ср.: *Императрица апробовала указ Сенаторской; безкровелной дом; стол безножной*). В ряде случаев приведены обе формы: *апрельской, -ский; багрный, -ной; бахромной, -ый*. У отдельных прилагательных с основой на *-к* окончание *-ой* правится на *-ий* (см., например, *авторской, адмиралской, адъютантской*). В «Письме Харитона Макентина к приятелю» нормой признается именно окончание *-ой*, тогда как за *-ый/-ий* закрепляется статус вольности. ⁴⁵

Кодификация форм на *-ой* восходит, по-видимому, к «Академической грамматике», где даются формы *добрый, доброй* и объясняется, что прилагательные на *-ый* являются по преимуществу письменными («*ои wird im gemeinen Reden, ыи aber und ьи mehrentheils im Schreiben gebraucht*»). ⁴⁶ Вместе с тем один из редакторов «Академической грамматики», так называемый «красный глоссатор», оспаривает данное противопоставление, замечая, что окончание *-ой* встречается и в книжном языке («*ой wird nicht allein im reden, sondern auch im schreiben vor ый gebraucht*»). ⁴⁷

⁴³ Аналогично в грамматическом очерке В. Адодурова; см.: Вейсманнов лексикон. С. 41.

⁴⁴ Об ориентации на этот словарь см.: Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. XLIII.

⁴⁵ *Антиох Кантемир*. Собрание стихотворений. С. 425—426.

⁴⁶ *Compendium Grammaticae Russicae*. С. 177. Формы на *-ой* упоминаются и В. Адодуровым, полагавшим, что они возникли под влиянием дательного падежа единственного числа женского рода (Вейсманнов лексикон. С. 11). Кодификация, представленная в «Академической грамматике», опирается на мнение И.-В. Пауса, который вслед за Г. Лудольфом соотносил формы на *-ый/-ий* и на *-ой* как славянские и русские; см.: *Compendium Grammaticae Russicae*. С. 89.

⁴⁷ *Compendium Grammaticae Russicae*. С. 177. Статус форм на *-ой*, как хорошо известно, активно обсуждался и позднее, в 40-е гг. (см.: *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. С. 212—214).

В наследии Кантемира содержатся некоторые данные, позволяющие в самых общих чертах реконструировать его взгляды на социалингвистическую ситуацию в России 1720—1730-х гг. в целом.

В 1725—1726 гг. Кантемир при характеристике языка своих переводов пользовался термином «славенороссийский» язык или «славенороссийский диалект».⁴⁸ В начале XVIII в. прилагательное «славяноороссийский» могло использоваться как номинация для церковнославянского («славянского») языка.⁴⁹

С 1729 г. Кантемир предпочитает говорить о «русском» языке;⁵⁰ ср. использование этого термина, например в переводе «Разговора о множестве миров» (1730), истории Юстина (1729—1742) или песен Анакреонта (1736—1743).

Термин «русский» язык используется переводчиками в 1720-е гг. Так, он фигурирует в предисловии к переводу «Увещаний на приклады политические» Юста Липсия (1721), выполненному Симоном Кохановским или в посвящении Петру I перевода Гавриила Бужинского «Введения в историю европейскую» С. Пуфендорфа.⁵¹ Термин «российский» язык представлен в предисловии к переводу «Утешения духовного» Фомы Кемпийского, выполненном А. Ф. Хрущовым (1719): «переведена с французского на российской язык»,⁵² а также в предисловии к его переводу «Похождений Телемака» (1724): «переведеса внове на российской язык».⁵³

⁴⁸ Этот термин встречается в предисловиях к таким разным текстам, как переводы «Хроники» Манасия (1725), «Описания Парижа и французов» (1726), а также в «Симфонии на Псалтирь» (1726).

⁴⁹ Данное прилагательное было образовано, как предположил Б. А. Успенский, в XVII в. по аналогии с прилагательным «еллиногреческий». См.: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 175. Об употреблении этого термина И. Копиевичем см.: Бабаева Е. Э., Запольская Н. Н. Языковой континуум Петровской эпохи: Обзор грамматических трактатов первой четверти XVIII в. С. 192—193, 199; Успенский Б. А. Доломоновские грамматики русского языка : Итоги и перспективы. С. 525.

⁵⁰ Ср. также частое в комментариях указание «по русски».

⁵¹ См.: Николаев С. И. О стилистической позиции русских переводчиков Петровской эпохи : (К постановке вопроса) // XVIII век. Сб. 15 : Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 113—114.

⁵² См.: Круглов В. М. «Утешение духовное» Фомы Кемпийского : Русский рукописный перевод Петровской эпохи // Acta linguistica petropolitana / Тр. Ин-та лингвистических исследований. СПб., 2009. Т. V. Ч. 3. С. 79.

⁵³ См.: Круглов В. М. Формирование русского литературного языка нового типа : (Два рукописных перевода 1720-х годов) // Проблемы диалектной лексикологии и лексикографии : К 80-летию Федора Павловича Сороколетова. СПб., 2004. С. 277.

Можно сказать, что к началу 30-х гг. наметилось две концепции соотношения языков традиционной и новой культуры:

1. Противопоставление «славянского» и «русского» начал. Ярким примером такого восприятия двух языков является позиция В. К. Третьяковского, о которой он заявил в предисловии к переводу «Езды в остров любви» П. Тальмана (1730).⁵⁴ Ср. мнение А. Ф. Хрущева, для которого «славенский» был исключительно языком «святого писания».⁵⁵

2. Объединение «славянского» и «русского» начал. Внутри этой концепции происходило, по-видимому, сближение терминов «славенороссийский» и «российский» для указания на новый литературный язык, воспринимавшийся как проводник просвещения и европейской культуры. В частности, термин «славенороссийский» употреблен И. Сечихиным в первом предисловии к переводу трактата «Анфроскопия» (1732), озаглавленном «К меценату», тогда как во втором предисловии («К беспристрастному читателю») язык перевода назван «российским».⁵⁶ Представляются особенно интересными рассуждения этого автора в третьем предисловии («К Зоилу»), посвященном защите В. К. Третьяковского. Сечихин пишет, что в своем переводе использовал «славенский» и «общий российский» языки: «позволяется в различных языках употреблять слов иностранных для лутчего изъяснения, или для красоты, или просто за употребление. Для чего же мне запретит кто мешать в славенском языке российский общий или в российской славенския слова? Понеже сии оба языки от рождения моего мне природныя суть и с собою всякое сходство и согласие имеют».⁵⁷

Это рассуждение перекликается с мнением И.-В. Пауса, который в конце 1720-х гг. говорит о том, что в России распространен восходящий к двум диалектам полифункциональный «русский славянский» язык (*russische slawonische Sprache*), внутренняя цельность которого доказывается единством алфавита, совпадениями в базовом лексическом составе и грамматической структуре.⁵⁸

По всей вероятности, в 1730-е гг. для Кантемира также представлялось принципиально важным функциональное объеди-

⁵⁴ См.: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 73 и сл.

⁵⁵ Круглов В. М. «Утешение духовное» Фомы Кемпийского. С. 79.

⁵⁶ См.: Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996. С. 138, 139.

⁵⁷ Там же. С. 142. См. также: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 143—146.

⁵⁸ См.: Михальчи Д. Славяно-русская грамматика Иоганна Вернера Паузе. С. 39—40.

нение двух языковых стихий. Оба термина используются им в русско-французском словаре: на титульном листе к первому тому язык описания определен как «русской», а в начале самого текста — как «славенорусской».⁵⁹

Краткие сведения о «славянском» и «русском» языках содержатся также в комментариях к книге Ф. Локателли «Московские письма», к которым Кантемир имел непосредственное отношение.⁶⁰ В частности, сообщается, что церковнославянский («старый славянский») язык был введен в IX в. и используется «при богослужении, в церковных делах и других высокодуховных предметах».⁶¹ Что же касается русского языка, то он восходит к этому языку («обычный, используемый в повседневной жизни русский язык — это дочь славянского языка»)⁶² и связан генетически с другими славянскими языками. Любопытно, что русский язык при этом возводится к языку «венедов», хотя «русские, если иметь в виду этот диалект, кое-что в нем изменили».⁶³ Основная

⁵⁹ См.: Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. 1, 3.

⁶⁰ Книга Локателли, содержащая описание его пребывания в России, без упоминания имени автора, вышла в Англии на французском языке в 1736 г. В 1738 г. она была переиздана в немецком переводе; к этому изданию были приложены пространные возражения и комментарии. Относительно авторства этих комментариев существуют разные мнения. Современные немецкие исследователи считают автором секретаря Кантемира Генриха Гросса (см.: *Grasshoff H.* Russische Literatur in Deutschland im Zeitalter der Aufklärung. Berlin (Ost), 1973. С. 157; *Matthes E.* Der veränderte Russland. Studien zum deutschen Russlandverständnis im 18. Jahrhundert zwischen 1725. und 1762. Frankfurt a/M.; Bern, 1981. С. 324—335). Однако существует гипотеза, согласно которой Гросс только перевел на немецкий текст, составленный Кантемиром (см.: *Мезин С. А.* Взгляд из Европы : Французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. С. 141). Наконец, высказано предположение, что комментарии — совместный труд Христофора Гросса и А. Кантемира (см.: Россия и Запад : Горизонты взаимопознания : Литературные источники XVIII века (1726—1762). М., 2003. Вып. 2. С. 158—160).

⁶¹ «Die Sprache der Rußischen Nation anlangend: so ist in ihrem Gottes-Dienst, Kirchen-Sachen und andern hohen geislichen Dingen die alte Slavonische Sprache eingeführet» (*Locatelli Fr.* Die so genannte Moscovitische Brieffe oder die wider die lobliche Russische Nation. Franctfurth und Leipzig, 1738. С. 460; Россия и Запад : Горизонты взаимопознания. С. 199, 259).

⁶² «Die ordentliche und durchgehends im gemeinem Leben übliche Rußische Sprache ist eine Tochter der Slavonischen» (*Locatelli Fr.* Die so genannte Moscovitische Brieffe oder die wider die lobliche Russische Nation. С. 460; Россия и Запад: горизонты взаимопознания. С. 200, 259).

⁶³ *Locatelli Fr.* Die so genannte Moscovitische Brieffe... Этот пассаж перекликается с примечанием, сделанным В. Тредиаковским к «Военному состоянию Оттоманския империи» (1737), где также говорится о церковнославянском как об основе для русского языка и о южнославянских языках как исходному общеславянскому фонду; см.: *Успенский Б. А.* Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 108—110.

характеристика этого языка — лексическое богатство («язык этот весьма богат словами»).⁶⁴

Использование критерия «лексическое богатство» достаточно значимо. Обсуждение данного критерия происходило как в рамках европейского спора «древних» и «новых», так и внутри дискуссии о совершенной структуре языка.⁶⁵ Дискуссия о том, какое устройство языка является наиболее совершенным, начатая в Европе в конце XVII в. и продолжавшаяся в первые десятилетия XVIII в., апеллировала к функционированию языка. В центре этой дискуссии, которая разворачивалась как спор между итальянцами, отстаивавшими преимущества своего языка, и защитниками французского языка, стоял вопрос о лексическом богатстве языка и о структуре фразы, то есть о свободном и фиксированном порядке слов в предложении. В области лексики европейскими лингвистами обсуждалась возможность использования устаревших и диалектных слов, а также неологизмов, особый разряд которых составляли заимствования. Любые неологизмы — как образованные на базе существующих языковых элементов, так и заимствованные, должны были, по мысли итальянцев, отвечать одному требованию: соответствовать «гению» и «природе» языка. Моделью политики в этой области в Новое время провозглашается Англия, где существует установка на использование любых «удобных» для англичан слов, в том числе и заимствованных у соседей.⁶⁶ Кроме того, сторонники итальянского языка полагали, что совершенство языка проявляется в широких словообразовательных возможностях, отсутствовавших во французском языке.

Обеспечение богатства языка и предьявление этого богатства являются центральными пунктами лингвистической программы Кантемира, объединяющими его поиски как в области строительства литературного языка нового типа в целом, так и в области строительства одной его составляющей — поэтического языка. В соответствии с просветительской программой Кантемира переводы должны служить, в частности, обогащению языка. В предисловии к переводу истории Юстина он писал: «Все те народы [греки, римляне, итальянцы, англичане, французы, немцы] один другого книги переводили, от чего не только знание наук и художеств размножилось, но и язык их обогащен многими новыми

⁶⁴ «Zelbiche [Rußische Sprache] ist sehr wortreich» (*Locatelli Fr. Die so genannte Moscovitische Briefe oder die wider die lobliche Russische Nation*. С. 460; Россия и Запад : Горизонты взаимопознания. С. 200, 259).

⁶⁵ См.: *Живов В. М. Язык и культура в России XVIII в.* С. 221—225, 308 и сл.

⁶⁶ *Fenelon. Œuvres*. Paris, 1997. V. II. С. 1140.

словами»;⁶⁷ ср. также обоснование использования в переводе Писем Горация новых слов: «Да еще и другая польза от того произойдет, ежели напоследок те новыя слова и речения в обыкновение войдут, понеже чрез то обогатится язык наш, который конец в переводе книг забывать не должно».⁶⁸

В сущности, обоснование практики комментирования переводов оказывается тесно связанным с апологией неологизмов. Уже в предисловии к читателю, предваряющем перевод «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля Кантемир пишет: «Приложил я к ней [книжке] краткие примечания для изъяснения чужестранных слов, которые и не хотя принужден был употребить, своих равносильных не имея, как и для русских, употребленных в ином разумении, нежели обыкновенно чинится»;⁶⁹ ср. в предисловии к переводу Писем Горация: «...я не оставил оных [то есть новых слов. — Е. Б.] силу изъяснить в приложенных примечаниях, так чтоб всякому были вразумительны, нужны были теперь те примечания; со временем оныя новизны, может быть, так присвоены будут народу, что никакого толку требовать не будут».⁷⁰

Одновременно Кантемир стремится обосновать необходимость использовать устаревшие и новые слова в поэтическом языке, для чего обращается к опыту античных авторов; ср.: «Гораций советует стихотворцу возобновлять употребление старинных забытых речей. Цицерон и Квинтилиан того же мнения; но должно беречься, чтоб те речи не искать в гораздо отдаленной древности»;⁷¹ «Не только стихотворец должен многосильныя древния речи воскрешать, но и новыя присвоять».⁷²

Славянизмы, участвуя в создании нового поэтического языка, являются для Кантемира маркированными элементами. В словаре он выделяет их в особую группу, снабжая пометой *esc.* (*escl.*), ср.: *абие Esc. Adv. voyez Tomчac; бальство <...> Magie. Enchantement (:mot Escl.); венрь C'est proprement en Russe sanglier mais les Esclavons donnent ce nom a toutes sorte de cochon et pour les distinguer ils disent венрь домовои cochon, венрь лесныи или дикуи Sanglier венрь кормный Pourceau gras Verrat венрь мор-*

⁶⁷ РНБ. Q. IV. 382. Л. 2 об.

⁶⁸ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. СПб., 1867. Т. I. С. 386.

⁶⁹ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. СПб., 1868. Т. II. С. 391.

⁷⁰ Там же. С. 386.

⁷¹ Там же. Это правило хорошо соотносится с введением славянизмов в поэтический язык, обоснованным в «Письме Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских».

⁷² Там же. С. 552.

ский *Dauphin. Marssuin венпр скопчоной Porceau, cochon châtré*.⁷³ Хорошо известно также, что Кантемир, как следует из «Письма Харитона Микентина к приятелю о сложении стихов русских», полагал, что славянизмы должны играть особую структурную роль в русском литературном языке, являясь важной составляющей поэтического языка, противопоставленного языку прозы.⁷⁴

Любопытно, что в русско-французском словаре А. Кантемир вводит также помету 'поэтически' (*poëtiquement*). Ею снабжается слово *дерево* — «*poëtiquement vaisseau*».⁷⁵ Речь идет о переносных (метафорических и метонимических) употреблении слов, которые характерны, по мнению Кантемира, для поэтической традиции;⁷⁶ ср: в комментарии к переводу XVI письма Горация: «Стихотворныя речения суть: наводить ночь и наводить облак на что нибудь вместо прикрыть, укрыть, заслонить»,⁷⁷ а также: «Часто стихотворцы латинские медными и железными называют стены крепкие»;⁷⁸ «Стихотворцы и самые историки часто железо вместо оружия употребляют; для чего ж бы сталь таже не употреблять?»;⁷⁹ «Грудь вместо сердца часто у стихотворцев употребляется»;⁸⁰ «Трижды вместо многожды стихотворцам употребительно»;⁸¹ «Сухари тут вместо сухоядения и поста положены, так как часто обыкли стихотворцы часть вместо всего ставить, напр. *Diverso interea miscent moenia lactu*, т. е. различным между тем смущаются стены плачем, где стены вместо всего города Вир-

⁷³ Там же. Т. I. С. 4, 25, 110. О номинациях для прозы у Кантемира см. подробнее: *Бабаева Е. Э.* О грамоте и грамотеях : (Ф. Поликарпов и А. Кантемир : Опыт сопоставительного анализа некоторых ключевых понятий филологии) // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: Сб. статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004.

⁷⁴ См. подробнее: *Живов В. М.* Язык и культура XVIII века. С. 239—242; *Маиелларо Л.* Концепция «поэтического языка» А. Кантемира и ее итальянские источники : Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

⁷⁵ Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. 262.

⁷⁶ Феофан Прокопович в своем пособии по поэтике «*De arte poetica*», говоря о построении поэтического текста, обращает внимание на роль синонимии. В частности, он замечал, что тропы являются богатейшим источником синонимии («*unde bene obsreva, tropos esse opulentissimum promptuarium pro sensibus synonymicis*»; см.: *Феофан Прокопович.* Сочинения. М.; Л., 1961. С. 242).

⁷⁷ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. I. С. 483.

⁷⁸ *Антиох Кантемир.* Собрание стихотворений. С. 207.

⁷⁹ Там же. С. 140. Ср.: «Сталью разумеется орудие лекарское, чем кровь пускают; обыкновенно, с французского [*lancette*], мы ланцетою, сиречь копеецом, зовем» (Там же. С. 178).

⁸⁰ Там же. С. 142.

⁸¹ Там же. С. 275. Ср.: «Стихотворцы трижды вместо многожды употребляют, так, например, *Виргилий*» (Там же. С. 268).

гилий употребил»;⁸² «Ад вместо смерти греческие стихотворцы употребляют».⁸³

А. Кантемир, выступая за расширение лексического фонда языка, воспроизводит сформулированную в античности и повторенную европейскими филологами идею фильтра, регулирующего лексическое новаторство. Лексические единицы должны вводиться по мере необходимости, при отсутствии нужной номинации, а также соответствовать «духу» языка, в терминологии Кантемира — не противиться «сродству языка русскаго»:⁸⁴ «Можно возобновлять в стихах речи, которые народ забывать начинает, а не те, которые совсем позабыты, и то, когда те речи многу силу в себе имеют и других подобных не находим»;⁸⁵ «новые речи такие быть имеют, которые народ произвел, которые народу могут быть вразумительны».⁸⁶ Размышления об уместности новых слов проникают в XVIII сатиру («На бесстыдную нахальчивость»): «Чтоб всякое, на своем месте стоя, слово // Не слабо казалось, ни столь лишно ново, // Чтоб в бесплодном звуке ум не мог понять дело».⁸⁷

Новым лексическим единицам посвящено большое количество комментариев Кантемира; см., например: *свобожденник* — «*adrasus* значит не только человека, который только что обрит, но и свободеннаго от неволи, понеже обычай был обривать рабов, которых их хозяева на волю пускали. Свобожденник слово новое чаю изрядно соответствует французскому *Afranchi*, и собою свое знаменание довольно показывает»;⁸⁸ «свобожденник, слово от меня вновь употребленное, которым изображаю латинское *libertinus*. Либертины называлися рабы, на волю пущен-

⁸² Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. I. С. 271.

⁸³ Там же. С. 273.

⁸⁴ Там же. С. 386. Ср. также установку придерживаться «свойства русского языка», о которой А. Кантемир говорит в предисловии к переводу истории Юстина (РНБ, Q. IV. 382. Л. 3). В 1731 г. В. Адодуров в своем грамматическом очерке говорит о *гении* языка (*der Genius der Rußischen Sprache*); см. подробнее: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 77.

⁸⁵ Там же. С. 386.

⁸⁶ Там же. С. 552.

⁸⁷ Ср. комментарий к этим строкам со ссылкой на Горация: «Хвально в стихотворении употреблять необыкновенные образы речения и новизну так в выдумке, как и в речении искать; но новость та не такова должна быть, чтоб читателю была невразумительна. Не могу удержаться напомнить здесь изрядные правила, которые Гораций для сочинений стихотворных предписует»; см.: *Антиох Кантемир. Собрание стихотворений*. С. 173.

⁸⁸ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. I. С. 441.

ные»;⁸⁹ *критик* — «судьи, кои о состоянии и доброте книг судят, критиками называются у латин и других народов; мы не имеем сему имени другое равносильное»;⁹⁰ *элементы* — «элементы суть первая наставления, начала какой либо науки, которую речь мы в нашем языке не имеем, для того я употребил: начальнейшие законы. Ведаю, что то латинскому не соответствует, да не знаю чем пособить»;⁹¹ *календарь* — «календарь есть слово латинское, деривацию имеет от *calendae*, еже есть первый день всякаго месяца. По русски календарь называется месяцеслов»;⁹² *мода* — «мода слово французское. *Mode* — значит обыкновение в платье и уборах, и самых нравов человек. Крестьяне у нас называют поверьем»;⁹³ «мода слово французское, значит обычай в ношении платья, в употреблении всяких уборов и в самих наших поступках».⁹⁴

Вместе с тем к 1740-м гг. относятся более критические высказывания Кантемира, касающиеся церковнославянского наследия. Перерабатывая IV сатиру, Кантемир прибегает к характеристике *жесток ушам*⁹⁵ по отношению к стихотворным житиям святых архиепископа Иоанна (Максимовича). Эта характеристика связана с традицией, которая идет от В. Третьяковского, оценивавшего таким образом церковнославянский язык в противоположность «нежности» языков, ориентированных на живое разговорное употребление.⁹⁶

В эти же годы в нескольких комментариях к переводу писем Горация Кантемир прибегает к характеристике *грубый*, также маркированной и связанной с характеристикой *жест(о)кий*.⁹⁷

⁸⁹ Там же. С. 515.

⁹⁰ Там же. С. 520. О понятии «критика» у Кантемира см.: Кондаков И. В. Единство литературной и социальной критики в представлении А. Д. Кантемира // Антиох Кантемир и русская литература. М., 1999.

⁹¹ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. С. 396.

⁹² Там же. С. 242.

⁹³ Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. С. 82—83.

⁹⁴ Там же. С. 139.

⁹⁵ В переводе «Разговора о множестве миров» Фонтенеля А. Кантемир так толкует прилагательное *жеска*, при помощи которого он переводит французское *seche*: «свойство неприятное, не дающее никакой забавы» (см.: Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. С. 393). В русско-французском словаре он соотносит прилагательное *жестокый* с фр. *dur, rude* (см.: Там же. Т. I. С. 335).

⁹⁶ Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 85—86.

⁹⁷ В Вейсманновом лексиконе прилагательные *грубый* и *жестокый* упоминались в одном синонимическом ряду; см. подробнее: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 82.

Кантемир оценивает как *грубые* «темные» священные тексты, написанные в древности: «вышепомянутыя Нумовы молитвы писаны были стихами, грубым старинным римским языком, который во времена Горациевы уже никто почти не разумел».⁹⁸ Вместе с тем характеристика *грубый* прилагается им к отстоящему во времени народному языку, к чисто фольклорному началу: «Гораций, предложив похвалы стихотворства, исследует онога начало и доводить принимается, что богослужение оному повод подало. Первые люди, все пастухи и земледельцы, собиралися, говорит он, после жатвы приносить Богу благодарение за дарованные им плоды. Праздник у них тогда бывал, и между прочими забавами те поселяне грубыми стихами друг друга шутя пятнали»;⁹⁹ «в забаву свою те грубые пастухи и земледельцы перебранивалися на стихах, и начальниками стихотворства были. Не трудно судить, каковой грубости были те стихи, которые голое движение природы производило в мужиках, всякаго искусства лишаемых, без всякаго предъидущаго размышления. Мы и сами много таких стихов имеем, которые суть вымысл простолюднаго нашего народа и от которых можем о тех первых римских стихах судить. Например, я помню начало одной песни о браке царя Ивана Васильевича».¹⁰⁰

В русско-французском словаре такое сближение книжной (церковнославянской) и народной (фольклорной) стихии проявляется соотнесением рус. *грубый* с франц. *rude, grossier, impoli, païsan, rustique*.¹⁰¹ Таким образом, можно считать, что Кантемир — один из первых авторов, увидевших в церковнославянском и фольклорном тексте общее, а именно — отклонение от основных эстетических требований, предъявляемых к образцовому тексту — понятности, ясности, сладости, приятности.

Любопытно, что в сцене «Вечер у Кантемира» Батюшкова Кантемир говорит о том, что «изгнал» из языка «грубых слова славянския, чужестранныя, несвойственныя языку русскому».¹⁰² Этот пассаж перекликается с мнением Гуаско, который писал, что Кантемир «изгнал» («a bannis») из своей поэзии слова, заимство-

⁹⁸ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. I. С. 524.

⁹⁹ Там же. С. 528.

¹⁰⁰ Там же. С. 528—529.

¹⁰¹ Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. 244. Ср. в Вейсманновом лексиконе: homo rusticus — «грубыи, простые человек, деревенский мужик» (С. 513). Об оппозиции *грубый/приятный* см.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. II: Язык и культура. М., 1996. С. 476—479.

¹⁰² Батюшков К. Н. Сочинения. СПб., 1886. Т. II. С. 235.

ванные из «славянского и других иностранных языков», которые часто «примешивают» в русский язык («On mêle fort souvent dans le Russien des mots tirés de l'Esclavon et d'autres Langues étrangères»).¹⁰³ При этом Гуаско сообщает, что эта правка показала, насколько русский язык богат сам по себе («ce que fait voir, que la Langue est assez riche d'elle-même»).¹⁰⁴ Очевидно, что эти суждения восходят к мнению самого Кантемира, который, в частности, в предисловии к переработанному тексту истории Юстина (1742) заявляет о том, что «не отдалялся свойства русского языка» и старался не использовать «чужестранных речей».¹⁰⁵

С демонстрацией внутреннего потенциала русского языка связана, по всей видимости, разработка в русско-французском словаре его словообразовательных возможностей.¹⁰⁶ В составе словника представлены разветвленные словообразовательные гнезда, в некоторых случаях насчитывающие до 14 элементов и включающие потенциальные слова. При этом отдельные морфемы вступают в отношения синонимии: например, показатели лица (*алмазник, алмазчик, алмазница, алмазщица*), показатели принадлежности (*алмазников, алмазчиков, алмазничей, алмазницыи, алмазщицый*); показатели уменьшительности (*баулец, баулик, баулок, баулчик*).

Кантемир обратил внимание на диалектную неоднородность языка: в комментариях к переводам из Анакреонта он писал: «...греческий язык разделяется на разныя наречия по провинциям и городам, как мы видим в русском, что розница некакая находится от одной провинции к другой».¹⁰⁷

Наконец, Кантемиру принадлежат едва ли не самые ранние свидетельства существования социальных диалектов. В комментариях к «Московским письмам» Локателли говорится: «В основе стиля, употребляемого при дворе, находится обычный язык, который содержит, однако, много темных мест и использует почти все искусственные слова иностранцев. Петр Великий внедрил этот стиль во все канцелярии».¹⁰⁸

¹⁰³ [Guasco O. de]. Vie du Prince Antiochus Cantemir. P. 71.

¹⁰⁴ Ibid. С. 71—72.

¹⁰⁵ РНБ. Q. IV. 382. Л. 3 об. Об отказе от заимствований как сознательной установке, возникающей в 1740-е гг. в России, см. подробнее: *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. С. 296—298.

¹⁰⁶ См.: Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. XXVI—XXVII.

¹⁰⁷ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. I. С. 351.

¹⁰⁸ «Der Hoff-Stylus hat zwar die gewöhnliche Sprache zum Grunde, dabey aber viel dunckles in sich, und bedienet sich fast aller Kunst-Wörter der Ausländer. Petrus der Grosse hat diesem Stylum in allen Cantzelleynen im Gange bringen lassen»

В сочинениях Кантемира содержатся более конкретные ссылки на социальные диалекты.

1) В русско-французском словаре Кантемир описывает аканье как явление, свойственное определенной социальной группе: «Il est a remarquer que les Gentilhommes et leurs imitateurs changent souvent L'o en a, tant au comencement qu'au milieu de mots, dela viennent les deux sortes de Prononciations, qui distignent les Gens de mise avec le Peuple, ceux la par Exemple disent: Агурцы, Акошко пападья, башмак, et ceux ci: Огурцы, Окошко, попадья, бошмак. Je suivi dans le Dictionnaire la Prononciation et maniere d'ecrire du Peuple qui est la bonne».¹⁰⁹ Известно, что Петр I акал, что в принципе могло придать этой фонетической особенности некоторую престижность среди его окружения. Вместе с тем аканье могло особенно обращать на себя внимание в составе лексики, не имеющей установленной традиции произношения, а именно в новых заимствованиях. Так, М. В. Панов заметил, что при написании заимствованных слов *e* в безударных слогах часто передается буквой *a*: *санатор, гранадир, ватарпас, камарер*;¹¹⁰ ср. в словаре у Кантемира — *батарея (batterie), гранадир (grenadier), лотаре (lotterie)*.

Кантемир называет социальную группу акающих *Gentilhomme* или *Gens de mise*, то есть имеет в виду придворных (ср. *homme de la Cour*), при этом отказывается от этой нормы в пользу «народного» употребления (по всей видимости, соотносимого с термином «чисто русский язык»).

2) В русско-французском словаре Кантемир описывает использование показателя *-вичь*, относя его к частицам. Он пишет: «Вичь Particule qu'on ajoute au nom du pere pour les gens de quelque distinction. Ex. Петр Алексеевич Pierre fils d'Alexe. Pour les hommes ordinaires on ne dit pas вичь mais on met le nom de pere en simple adj. Ex. Михаило Петров Michel fils de Pierre».¹¹¹

(Locatelli Fr. Die so genannte Moscovitische Brieffe oder die wider die lobliche Russische Nation. С. 461; Россия и Запад : Горизонты взаимопознания. С. 200, 259).

¹⁰⁹ «Надо заметить, что благородные люди и те, кто им подражает, часто меняют о на а как в начале, так и в середине слов, откуда происходит два типа произношения, отличающие благородных людей от народа. Одни говорят агурец, акошко, пападья, башмак, а другие огурец, окошко, попадья, бошмак. В словаре я следую произношению и правописанию народа, которые почитаю за правильные» (Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. 3). До Кантемира аканье попадало в сферу внимания кодификаторов (например, Ф. Поликарпова) как некнижное явление, которое не должно проникать в книжный язык.

¹¹⁰ Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII—XIX вв. М., 1990. С. 397—398.

¹¹¹ «Вичь частица, которую присоединяют у людей знатных к имени отца. Например, Петр Алексеевич Петр сын Алексея. Обычные же люди не имеют

Ср. в комментарии к одному из писем Горация: «Менелай часто Атридом у стихотворцев называется, понеже он был сын Атрея; как бы по нашему сказать Атреевич».¹¹²

Любопытно, что регламентация использования форманта *-ичь* становится предметом особого рассмотрения в 60-е гг.¹¹³ В феврале 1763 г. Академия наук объявила конкурс на лучшую работу, посвященную трактовке показателя *-вичь*. Сохранилось рукописное анонимное сочинение, правленное Миллером, в котором, в частности, доказывается, что *-вичь* является заимствованием, но его использование предпочтительнее по сравнению с *-ов*: «...кого назвать Иван Петров, сие звание имени вид свой голоса кажет слышателю грубой, а назвать кого сим Иван Петрович, есть вежливее и честнее и умильнее».¹¹⁴ И далее, выступая за признание форм на *-ич* как нормативных автор пишет: «Ныне у нас в великороссийском народе приложенная частица *вичь* <...> уже во употребление крепко вошла, не токмо меж гражданы нарочитыми и знатными особами, но и в простом подлом народе за действительный знак почтения принято».¹¹⁵

3) По всей видимости, социально отмеченными являются и формы превосходной степени на *наи-*, о которых уже шла речь выше. Экспансия этих форм связана, скорее всего, с польским влиянием. Она отражена и в переводческой деятельности Третьяковского, который регулярно использует формы на *наи-* в переводе «Езды в остров любви» Тальмана.¹¹⁶

Наконец, в сочинениях Кантемира находятся отголоски так называемого щегольского употребления.¹¹⁷ Так, Кантемир одновременно с Третьяковским вводит в оборот слово *вкус* как семантическую кальку с французского слова *goût*: «Вкус только

этого *вичь*, но используют обычное прилагательное от имени отца. Например, Михайло Петров. Михаил, сын Петра» (Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. С. 125). При этом «частица» *-вна* оставлена без комментариев (Там же. С. 134).

¹¹² Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. I. С. 440.

¹¹³ Об истории данного форманта см.: Успенский Б. А. Социальная жизнь русских фамилий // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. II. С. 216 и сл.

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 181. № 231. Л. 4 об.

¹¹⁵ Там же. Л. 8—8 об. Интересно, что на л. 8 есть вставка, сделанная Миллером, в которой содержится ссылка на латинский язык, а именно на формы *Stephanus—Stephanides*.

¹¹⁶ На новизну и заимствованный характер таких форм обращает внимание М. Ломоносов, замечая: «Новые превосходные, с польского языка взятые, с приложением *наи*: *наилутчий*, *наичистейший* российскому слуху неприятны» (Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. VII. С. 467).

¹¹⁷ См. подробнее: Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX века. С. 134 и сл.

в кушаньях говорят; а тут кажется для того употреблено слово сие, что щоголям оно обычно с французского языка, в котором если хотят похвалить, что платье какое искусно выдуманно и прибрано хорошо, то говорят: это платье хорошева вкусу».¹¹⁸ Ср. также кодифицированные в русско-французском словаре *амурищик* (Un galant. Amant. Amoureux), *амурица* (Coquette. Maitresse), *амурюся* (faire l'amour, faire le galant), *лазарь* ((En terme burlesque:) Galant. Un qui fait l'amour).¹¹⁹

В своих сочинениях Кантемир дает фрагментарные примеры современной ему разговорной стихии. В комментариях к текстам он иногда прибегал к термину *простое* или *простолюдное* слово: «Прощай вместо прощайте, часто и многим говоря, в простом речении употребительно»;¹²⁰ во II сатире как *простолюдное* характеризуется использование слова *польги* вместо *пользы*, в III сатире — *вишь* вместо *видишь*.¹²¹ Термин *простолюдный* соотносится с принятой в русско-французском словаре пометой *terme bas* (см., например, *балакую*, *звончатый*).¹²² Любопытны выделенные Кантемиром особые «бурлескные» употребления, относящиеся к области «низкой» лексики; ср. ряд глаголов со значением «ударить по голове»: *благословляю*, *колпачу*, *всучаю*, *гвозжжу*, *звездю*, *деру*, *гунуть*.¹²³

В комментариях к различным произведениям также фрагментарно рассыпаны сведения о речевых особенностях разных социальных групп, ср.: «Обыкновенно купцы, когда продают, чрезмерно божатся. Если у них что торгуешь, часто услышишь: Как пред Богом стать — себе больше стоит; Бог свидетель — в лавку выше пришло; еже ей-ей для переду тебе в свою цену уступаю»;¹²⁴ «Если у них что торгуешь, часто услышишь: как пред Богом

¹¹⁸ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. I. С. 224. В одном из списков есть фр. *c'est un habit de bon gout*; см.: Глаголева Т. Материалы для полного собрания сочинений князя А. Д. Кантемира // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Академии наук. 1906. Т. 11. Кн. 1—2. С. 201.

¹¹⁹ Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. С. 11, 572.

¹²⁰ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. I. С. 343.

¹²¹ *Антиох Кантемир*. Избранные стихотворения. С. 78, 104.

¹²² Во франкоязычной лексикографии термины *style bas* и *style bas peuple* (*bas peuple* синонимично словосочетаниям *petit peuple*, *menu peuple*, *commun peuple*). Ср. использование А. Кантемиром термина *petit peuple* при описании некоторых русских реалий: *балалайка* (instrument de musique a deux cordes comun parmi le petit peuple en Russie); *балахон* (habit de toile, la plupart blanche dont les gens du petit peuple et particulièrement les garçons des boutiques s'abillent); см.: Русско-французский словарь Антиоха Кантемира. Т. I. С. 24.

¹²³ См.: Там же. С. XXXV.

¹²⁴ *Антиох Кантемир*. Избранные стихотворения. С. 104.

стать — себе больше стоить; Бог свидетель — в лавку в рубль пришло; ей-же-ей для переду тебе за свою цену уступлю»;¹²⁵ «нищие в Риме прашивали милостыню с напевом, как и у нас в обыкновении»;¹²⁶ а также примеры высказываний, приведенные в III, V и VIII сатирах.

Сложность изучения наследия Кантемира связана не только с тем, что вопрос о его культурной ориентации и связях с традицией не имеет единственного ответа, имеющего объяснительную силу по отношению ко всему его творчеству. Кантемир восхищался английской политической системой и не любил Францию. При этом он ценил французскую филологию и поэтику, оставаясь итальянистом. Свою собственную систему взглядов в каждой конкретной области он выстраивал, как кажется, просеивая разные источники. Исследователи, однако, обращаясь к его наследию, сталкиваются с чисто текстологическими проблемами, и в целом — с узостью круга источников и спектра развернутых суждений самого Кантемира о литературе и языке. Вместе с тем можно надеяться, что внимательное системное прочтение русско-французского словаря и всего свода комментариев к различным сочинениям, которое лишь только начато, позволит уточнить, каковы были границы его филологического мира — в сопоставлении с путями, избиравшимися его современниками.

¹²⁵ Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Т. I. С. 243.

¹²⁶ Там же. С. 492.